

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

СТАТЬЯ Р. ФАДЪЕВА.

(Русскій Вѣстникъ 1867 года, №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 7.) (*)

Каждая реформа, къ какой бы области государственнаго переустройства она ни относилась и какъ бы благотворна ни была, всегда найдетъ себѣ не мало упорныхъ противниковъ и беззаветныхъ хвалителей. Такова уже, споконъ вѣку, неизмѣнная судьба прогрессивнаго развитія гражданской жизни, особенно въ тѣхъ обществахъ, гдѣ индивидуальная дѣятельность, послѣ долгаго застоя, силою событій вдругъ вызывается къ усиленной и къ многосторонней работѣ. Въ такія-то эпохи рутинная привычка къ прошлому, непониманіе настоящаго, наконецъ узкость и своенорыстіе цѣлей заставляютъ многихъ вооружаться и изыскивать средства къ замедленію совершающихся преобразованій.

Но, кромѣ этихъ естественныхъ противниковъ, есть еще и другіе, совершенно иного свойства. Заявляя себя горячими сторонниками всякой возникающей реформы, но, въ то же время, не давъ себѣ труда серьезно изучить ее, люди эти, помимо своей доброй воли, въ большинствѣ случаевъ, приносятъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, тому дѣлу, которому, по видимому, съ такимъ жаромъ берутся служить.

Къ этой-то послѣдней категоріи слѣдуетъ отнести немалое число составителей всевозможныхъ проектовъ, писанье которыхъ въ наши дни стало чѣмъ-то въ родѣ нашіи.

Пользуясь общимъ настроеніемъ умовъ и малой подготовкой общества, самозванные прожектеры смѣло берутся разрѣшать самые сложные, нерѣдко чисто-спеціальные вопросы, основывая при этомъ, зачастую, свои доводы или на чужихъ отзывкахъ, схваченныхъ ими налету, или на поверхностныхъ наблюденіяхъ своей собственной жизни. И—странное дѣло!—несмотря на то, что сами же эти реформаторы нерѣдко предельно

(*) Замѣчанія эти были написаны тотчасъ по окончаніи статьи г. Фадѣева, но, по недостатку мѣста, могли быть помѣщены лишь въ настоящей книжкѣ „Военнаго Сборника“.

Ред.

сознаются въ своемъ невѣдѣніи того предмета, о которомъ пишутъ чуть-ли не цѣлые томы, ихъ читаютъ, о нихъ говорятъ и даже цитируютъ ихъ, какъ авторитеты, для опроверженія того, что уже сдѣлано, или еще предстоитъ сдѣлать, при помощи науки, знанія и добросовѣстнаго труда.

Большая часть только-что нами высказаннаго невольно приходится на мысль, послѣ прочтенія статей г. Фадѣева: „Вооруженныя силы Россіи“, помѣщенныхъ въ прошломъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Сознаваясь откровенно въ своемъ маломъ знакомствѣ съ военной администраціей и съ хозяйствомъ войскъ (*), г. Фадѣевъ въ то же время большую часть своего сочиненія наполняетъ именно военно-административными вопросами, заявляя при этомъ, что трудъ его *„есть результатъ опыта и размышленія не только ея жизни, но и жизни многихъ опытныхъ и даровитыхъ военныхъ людей“*, и что статьи его „О вооруженныхъ силахъ Россіи“, основанныя на анализѣ современныхъ средствъ и потребностей государства, вытекаютъ изъ продолжительнаго и добросовѣстнаго изученія вопроса, „неутвержденнаго лишь несомнѣнной практикой“ (**).

Несмотря на такое заявленіе автора, мы однакожь должны замѣтить, что новаго отъ сказалъ весьма немного: большинство затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, стратегическихъ, военно-административныхъ и тактическихъ, было уже не разъ обсуждаемо нашей военной журналистикой. Многое уже ею высказанное частію успѣло перейти въ дѣло, частію же, по своей непримѣнности, оставлено подъ снудомъ, до той поры, когда наше политическое, общественное и экономическое положеніе позволитъ намъ волюнѣ ими воспользоваться. Но, какъ кажется, послѣдняго-то г. Фадѣевъ и не имѣлъ особенно въ виду, отчего трудъ его, при всемъ своемъ беллетристическомъ достоинствѣ, представляетъ скорѣе рядъ увлеченій, чѣмъ положительныхъ данныхъ, которыми можно было бы намъ тотчасъ же воспользоваться, а не оставлять въ области хотя и похвальныхъ, но все же призрачныхъ желаній отдаленнаго будущаго.

Постараемся, хотя вкратцѣ, передать содержаніе статей г. Фадѣева и, не вдаваясь въ строгую критическую оцѣнку, посмотримъ, что изъ предлагаемаго въ нихъ практично и удобо-

(*) См. „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 754.

(**) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 731.

исполнимо, при настоящемъ положеніи нашего отечества. При этомъ большую часть нашихъ доводовъ постараемся подкрѣплять словами самого же автора разбираемаго нами сочиненія.

Начнемъ со стратегическихъ соображеній, развиваемыхъ авторомъ „Вооруженныхъ силъ Россіи“. Прежде всего, придавъ весьма большое значеніе недружелюбному настроенію противъ насъ европейскаго общества, г. Фадѣевъ серьезно страшится за безопасность нашего отечества и предрекаетъ близость того времени, когда западныя государства, неожиданно, нежданно, составивъ грозную коалицію, могутъ выставить противъ насъ арміи, могущія возрасти, по его счету, по меньшей мѣрѣ до 650,000 человѣкъ (*).

Конечно, въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ намъ понадобятся и чрезмѣрныя средства для нашей защиты. И если мы, по словамъ г. Фадѣева, заблаговременно не сумѣемъ преобразовать нашего народа въ вооруженную миллионную *земскую силу*, которая давала бы намъ возможность имѣть въ запасѣ *нѣсколько миллионновъ* ознакомленныхъ съ военнымъ дѣломъ людей, по первому призыву готовыхъ стать со днями тысячъ для обороны нашихъ рубежей, и въ то же время выставить въ поле по меньшей мѣрѣ до 600,000 отлично-обученныхъ солдатъ для наступательныхъ дѣйствій, то намъ придется играть въ Европѣ крайне скромную роль и Россіи никогда не удастся разрѣшить великихъ задачъ, предстоящихъ ей въ близкомъ будущемъ.

По мнѣнію г. Фадѣева, „Россія можетъ быть сильна на столько, на сколько будетъ сильна ея западная армія, и что только наступленіемъ на Вислу мы можемъ надѣяться на блестящее разрѣшеніе восточнаго, славянскаго, да и вообще всѣхъ имѣющихъ возникнуть политическихъ вопросовъ“. Такова, въ общихъ чертахъ, политическая програма почтеннаго автора „Вооруженныхъ силъ Россіи“; мы, конечно, не будемъ судить, на сколько она непогрѣшима и основательна. Наше дѣло сказать только, въ какой мѣрѣ програма эта можетъ быть выполнена въ чисто-военномъ отношеніи. Относительно этого позволяемъ себѣ напомнить автору, что до сихъ поръ обыкновенно для дѣйствія самой большей массы войскъ допускались арміи, непревосходящія 300,000 человѣкъ, и что исторія войнъ пока не представляетъ ни одного примѣра, который бы показывалъ возможность дѣйствія на одномъ и томъ же театрѣ войны

(*) „Русскій Вѣстникъ“, мартъ, стр. 165—168.

миліонныхъ армій. Не вдаваясь въ излишнія тонкости, замѣтимъ только г. Фадѣву, что одинъ простой расчетъ количества жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ ежедневно для прокормленія людей и лошадей такихъ полчищъ, съ какими онъ предполагаетъ воевать, можетъ уже наглядно убѣдить каждаго, что безъ риска уморить голодомъ и армію, и бѣдныхъ жителей занятой ею страны трудно отважиться на военныя дѣйствія, даже въ самыхъ богатыхъ и населенныхъ мѣстностяхъ (*).

Положимъ, что г. Фадѣвъ, по малому своему знакомству съ хозяйствомъ войскъ, въ чемъ онъ самъ сознается, могъ легко впасть въ такую ошибку; но спрашивается: гдѣ же онъ найдетъ такихъ полководцевъ, которые были бы въ состояніи непосредственно руководить дѣйствіями 600,000-й арміи?

Исторія войнъ пока не называетъ намъ такихъ людей, если не считать въ ихъ числѣ Аттилы и Тамерлана; но полагаемъ, что эти „бичи Божьи“, съ ихъ несмѣтными полчищами дикихъ ордъ кочевыхъ народовъ, никакъ не могутъ служить образцами для дѣйствій современныхъ европейскихъ армій. Итакъ, сильно сомнѣваясь въ скоромъ осуществленіи предсказаній г. Фадѣва, относительно вѣроятности столкновеній на берегахъ Вислы, да и вообще въ западной Европѣ, 600,000-хъ армій, посмотримъ однако, какія средства предлагаетъ авторъ „Вооруженныхъ силъ“ для реорганизаціи собственно нашей арміи, по его идеѣ, и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ увѣряетъ г. Фадѣвъ, преобразить наше мирное отечество, съ его 80,000,000-мъ населеніемъ, „въ военный“ станъ, не тратя на то ни одной лишней копейки противъ настоящаго, нисколько не обременяя жителей и, *главное, не рискуя подорвать боевыхъ качествъ нашихъ войскъ.*

Мы уже замѣтили, что, по мнѣнію г. Фадѣва, намъ недостаточно нынѣшнихъ нашихъ военныхъ силъ и что для полной безопасности нашей, въ виду тѣхъ буръ, какія могутъ разыграться на политическомъ горизонтѣ Европы, намъ необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, полтора миліона солдатъ, по первому призыву готовыхъ стать подъ ружье. Но, сознавая, по-

(*). Количество хлѣба для 120,000 человекъ необходимо въ день до 7,800 пудовъ, следовательно для 600,000 его нужно, по крайней мѣрѣ, до 40,000 пудовъ. (См. „Курсъ тактики“ Драгомирова, 1867 г., стр. 28.) Для 100,000-й арміи полагается разныхъ воинскихъ и обывательскихъ повозокъ около 7,000, следовательно миліонная армія потребовала бы до 80,000 повозокъ и до 250,000 лошадей, не считая кавалеріи. (См. „Механ. армія“; соч. Э. Затлера, стр. 73.)

видимому, что постоянное содержаніе такой громадной арміи было бы сверхъ нашихъ финансовыхъ средствъ, г. Фадѣевъ прежде всего старается приискать дешевые источники для осуществленія придуманной имъ военной системы.

„*Великая своеобразность Россіи*—говоритъ г. Фадѣевъ—*а съ тѣмъ вмѣстѣ военное преимущество ея состоитъ въ томъ, что она не можетъ быть побѣждена въ такой степени, даже въ такомъ смыслѣ, какъ всякое другое континентальное государство, которое можно не только побѣдить, но занять и тѣмъ лишить возможности продолжать сопротивленіе.*“ Другая особенность Россіи, по его словамъ, это—чрезмѣрный перевѣсъ ея населенія надъ населеніемъ каждаго европейскаго государства и необыкновенная способность русскихъ къ ратному дѣлу; наконецъ, безпримѣрное преимущество Россіи, какъ говоритъ онъ, состоитъ еще въ томъ, что у насъ есть цѣлыя области, заселенныя исключительно естественными кавалеристами, чего, какъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ въ западной Европѣ.

„*Послѣ освобожденія крѣпостныхъ* — продолжаетъ авторъ — *количество, составъ и іерархическій порядокъ нашей постоянной арміи обусловлены только духомъ русскаго народа, взятаго въ массѣ, и никакія искусственныя сочетанія для предосторожности намъ не нужны. Поэтому вся внутренность Имперіи, четыре-пятыхъ государствъ, можетъ быть, въ случаѣ войны, совершенно обнажена отъ войскъ, что дозволитъ намъ сосредоточивать боевыя массы въ несравненно большей пропорціи къ иному вооруженнымъ силамъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ*“ (*).

Эти-то естественныя богатства и соціальное устройство нашего отечества главнымъ образомъ и внушили г. Фадѣеву мысль сократить донельзя нашу постоянную армію въ мирное время; защиту же государства, въ случаѣ войны, возложить преимущественно на земство, для чего, исподоволь, и приучать народъ къ ратному дѣлу.

„Со времени основанія второй французской имперіи — говоритъ авторъ — численность армій главныхъ европейскихъ государствъ стала такъ велика, что прежняя система постоянныхъ войскъ оказалась совершенно недостаточною. Прежде дѣйствующія войска находились и въ мирное время въ численности, не далеко отходящей отъ комплекта военнаго времени. Но теперь силы, выводимыя въ поле первоклассными державами,

(*) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 766—770.

стали такъ громадны, что никакой бюджетъ не вынесетъ содержанія въ мирное время массы войскъ, необходимой для войны. Нужда заставила почти всю Европу обратиться къ такой военной системѣ, которая позволяла бы содержать возможно-меньшее число солдатъ въ мирное время и выставлять ихъ возможно-больше въ военное время.⁴ Словомъ, имѣя незначительные кадры, необходимо пропускать чрезъ нихъ возможно-большее число рекрутъ и посредствомъ частыхъ отпусковъ заготовить обильный запасъ резервистовъ.

Совершенно соглашаясь со всѣмъ сказаннымъ, мы однакожь должны замѣтить почтенному автору, что осуществленіе такой далеко не простой проблемы не вездѣ одинаково возможно. Задача эта можетъ быть разрѣшена болѣе или мене успѣшно лишь при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ того или другаго государства. Тамъ, гдѣ территорія обширна, изрѣзана быстрыми и удобными путями сообщенія, густо населена значительно развитымъ и промышленнымъ народомъ, словомъ, гдѣ все благопріятствуетъ скорому обученію, снаряженію и мобилизациі арміи, тамъ система малыхъ кадровъ и большихъ резервовъ легче примѣнима. Но тамъ, гдѣ народная масса не успѣла еще достаточно развиться, гдѣ нѣтъ хорошихъ путей сообщеній и необходимаго числа частныхъ фабрикъ и ремесленниковъ, могущихъ по первому заказу изготовить все требуемое для войскъ, гдѣ, наконецъ, климатическія условія страны и размѣщеніе войскъ не въ казармахъ, а по деревнямъ, препятствуютъ скорому обученію рекрутъ, тамъ сказанная система можетъ быть принята только отчасти. Въ такомъ положеніи пока находится Россія, что и было принято въ соображеніе при введеніи у насъ нынѣшней военной организациі, главнымъ образомъ основанной на системѣ кадровъ и резервовъ. И кто дастъ себѣ трудъ серьезно взвѣсить и всесторонне обсудить наличныя современныя средства нашего отечества, нравы, привычки и духъ нашего народа, тотъ, безъ сомнѣнія, съумѣетъ оцѣнить рациональность и выгодныя стороны нынѣшняго устройства нашей арміи.

Оставляя въ сторонѣ второстепенное, припомнимъ главное: нынѣшняя организациа даетъ намъ возможность, при благопріятныхъ обстоятельствахъ мирнаго времени, уменьшать нашу армію до 500,000, а въ военное время, съ ирегулярными войсками, доводить ее до 1,150,000 человекъ. Изъ нихъ 580,000

штыковъ и 90,000 коней, при $1\frac{1}{2}$ тысячъ полевыхъ орудій, могутъ составить боевую силу въ Европейской Россіи (*). Кажалось бы, что съ такою поистинѣ громадною арміею можно быть вполне спокойнымъ за свою безопасность. Но мы видѣли, что г. Фадѣевъ думаетъ иначе и во что бы то ни стало пламенно желаетъ преобразовать наше мирное отечество въ бурный военный станъ (**).

Для этого прежде всего—по словамъ г. Фадѣева—необходимо: военную службу сдѣлать по возможности обязательною для всѣхъ сословій Россіи; всю Имперію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ губерній, раздѣлить на рекрутскіе участки, изъ которыхъ и набирать ежегодно какъ рекрутъ, такъ и ополченцевъ для 66 пѣхотныхъ дивизій постоянной арміи и для 480 дружинъ временнаго ополченія; нынѣ существующія мѣстныя войска, кромѣ резервныхъ баталіоновъ, вовсе уничтожить, замѣнивъ ихъ частію ополченцами, частію особыми полицейскими жандармами; далѣе, прекративъ наборъ рекрутъ въ регулярную кавалерію, сформировать ее изъ донскихъ казаковъ, и, наконецъ, срокъ дѣйствительной службы пѣхотинца въ постоянной арміи уменьшить до $3\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Изъ всѣхъ затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ прежде всего мы остановимся на сокращеніи сроковъ службы солдатъ въ нашей арміи. Съ этимъ, какъ извѣстно, связано весьма важное обстоятельство, именно: накопленіе большого или меньшаго числа резервистовъ.

Хотя по штатамъ военного времени у насъ и полагается доводить регулярныя войска до 1,150,000, но сказать напередъ, что это количество всегда будетъ для насъ достаточно, едва-ли возможно.

Такія, наиримѣръ, эпохи, какъ отечественная война и послѣдняя восточная кампанія, показали необходимость прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, каковы пополненіе нашей арміи усиленными наборами и формированіемъ ополченій.

Чтобы устранить то и другое, необходимо было принять мѣры къ доведенію нашего резерва до возможно-большей численности, что и составляетъ теперь настоящую заботу нашего военного министерства. Уже нѣсколько лѣтъ вопросъ этотъ изслѣдуется въ особой комисіи, и, вѣроятно, выработанныя ею

(*) „Курсъ военной администраціи“, г. Зайцева, стр. 66.

(**) „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г., № 6, стр. 539.

начала не замедлять перейти въ дѣло. Сущность новой реформы, сколько можно предположить, будетъ заключаться въ сокращеніи сроковъ обязательной и дѣйствительной службы, что, безъ сомнѣнія, откроетъ нашей арміи широкія средства къ значительному увеличенію резервистовъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что и теперь уже, для накопленія большихъ резервовъ, у насъ приняты мѣры, именно увольненіе во временной отпускъ людей, прослужившихъ 10, 9 и даже 8 лѣтъ. И если, современемъ, для нашей арміи признано будетъ возможнымъ срокъ дѣйствительной службы солдата сократить до 8 лѣтъ, то мы, при настоящемъ нашемъ населеніи въ 27,000,000 душъ (1), подлежащихъ рекрутству, нисколько не обременяя его и довольствуясь наборами только по 4,2 человека съ 1,000, можемъ, имѣя до 800,000 постоянной арміи, въ скоромъ времени, довести резервъ до 620,000 человекъ (2).

Такимъ образомъ, если бы, при этихъ условіяхъ, обстоятельства потребовали довести армію нашу до штатнаго комплекта, то и тогда резервистовъ все же еще осталось бы въ запасѣ около 300,000 человекъ (3).

Предполагая, что это рано или поздно дѣйствительно осуществится, посмотримъ, можемъ ли мы во время войны надѣяться обойтись безъ чрезвычайныхъ наборовъ и безъ ополченія.

Мы уже сказали, что, при приведеніи нашей арміи, по нынѣшнимъ штатамъ, на военное положеніе, въ запасѣ у насъ будетъ оставаться до 300,000 резервистовъ; если къ этому числу прибавить ежегодный контингентъ рекрутъ, по предполагаемому нами выше исчисленію могущій дойти до 124,000 человекъ, то запасъ резерва можетъ возрасти до 424,000. Допустивъ самую наибольшую убыль въ рядахъ дѣйствующей арміи до 170,000 въ годъ (4), окажется, что изъ имѣющагося запаса чрезъ годъ осталось бы только 250,000 человекъ. Но къ этому времени, т. е. чрезъ годъ кампа-

(1) По послѣдней народной переписи (1858 г.) считалось обязанныхъ ставить рекрутъ 24,500,000 лицъ мужскаго пола. Присоединяя къ нимъ ежегодную прибыль въ 1%, отъ народоженія, получимъ 27,000,000 душъ м. п.

(2) Валовая цифра резерва будетъ гораздо больше, именно около 690,000; но, за вычетомъ 10% убыли отъ разныхъ потерь и неизбежнаго недочета при сборѣ резервистовъ, получится вышеприведенная нами цифра, т. е. 620,000 человекъ.

(3) Въ настоящее время, по штатамъ военнаго времени, регулярная армія наша простирается до 1,150,000.

(4) Испытанную въ крымскую кампанію.

ніи, вновь по обыкновенному набору выдвояетя 124,000 рекрутъ, отчего запасъ опять возросъ бы до 370,000 человекъ. Словомъ, если бы кампанія продолжалась даже пять лѣтъ, то и тогда въ запасъ все еще будетъ оставаться около 50,000 человекъ. Итакъ, по этому разсчету оказывается, что, теряя громадную, почти невѣроятную убыль въ дѣйствующихъ войскахъ, можно вести войну въ теченіе пяти лѣтъ, не требуя съ народа чрезвычайныхъ наборовъ, и только на шестой годъ войны можетъ понадобится такой наборъ. Но спрашивается: можно ли предполагать, чтобы въ настоящее время, при рѣшительномъ характерѣ войны, кампаніи длились по пяти лѣтъ?

Далѣе, имѣя запасы въ указанныхъ размѣрахъ, мы можемъ пополнять ежегодную убыль въ войскахъ сначала отпускаемыми, а потомъ новобранцами, имѣющими возможность пробыть годъ и даже два на мѣстахъ набора, что важно въ военномъ отношеніи, такъ какъ войска будутъ постоянно пополняться уже обученными людьми. Наконецъ, если бы чрезвычайныя обстоятельства разомъ потребовали отъ насъ крайняго напряженія силъ, такъ что пришлось бы формировать даже новыя части, то и въ этомъ отношеніи указанные запасы могутъ дать намъ хорошія ередствъ а Имѣя налицо 800,000 и въ резервѣ 620,000 человекъ, армія можетъ быть доведена разомъ до 1,400,000 человекъ. Взявъ наборъ этого года 124,000 человекъ и тотчасъ отправивъ ихъ въ войска, получимъ до 1,524,000 человекъ, изъ которыхъ новобранцы составятъ лишь десятую часть. Ирегулярныя войска могутъ дать (по примѣру восточной войны) до 200,000. Итого сразу мы можемъ выставить до 1,724,000 человекъ; исключивъ же изъ этого числа 320,000 мѣстныхъ войскъ, мы все-таки будемъ имѣть около 1,400,000 человекъ войскъ прекраснаго боеваго состава.

Итакъ, принявъ для нашей арміи восьмилѣтній срокъ службы, мы, нисколько не обременяя народа, а главное—нисколько не опрѣсняя боевыхъ качествъ войскъ, въ случаѣ войны, можемъ имѣть подъ ружьемъ именно то число воиновъ, какое даже, по довольно парадоксальнымъ соображеніямъ г. Фадѣева, будетъ вполне достаточно для борьбы хоть съ цѣлою Европой (*).

(*) По соображенію г. Фадѣева, намъ нужно до 900,000 регулярной пѣхоты солдатъ и до 480,000 ополченія, что должно составить до 1,380,000 подъ ружьемъ, кромѣ полковыхъ депо и нестроевыхъ.

Посмотримъ теперь, что произошло бы, если бы, послушавшись г. Фадѣева, мы стали преобразовывать нашу армію на основаніи его предложеній.

Для этого начнемъ съ пѣхоты, которую, по мнѣнію автора „Вооруженныхъ силъ“, какъ мы уже замѣтили, слѣдуетъ устроить на слѣдующихъ основаніяхъ:

Во-первыхъ, нынѣшнее число дѣйствующихъ пѣхотныхъ дивизій увеличить до 66, или до 240 полковъ, и постоянно держать ихъ въ мирное время въ кадровомъ составѣ, въ числѣ не болѣе 300,000 человекъ.

Во-вторыхъ, организовать 480 ополченныхъ дружинъ, на случай войны.

Въ-третьихъ, военную службу сдѣлать обязательною для всѣхъ сословій Россіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, и для набора всю Россію, исключая губерній неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, раздѣлить на 240 рекрутскихъ участковъ, силою въ 133,000 душъ населенія (*).

Въ-четвертыхъ, изъ этихъ участковъ ежегодно въ мирное время призывать для арміи и ополченцевъ, по десяти человекъ съ каждой 1,000 душъ, при чемъ срокъ всей службы солдатъ въ постоянной арміи опредѣлить въ 3½ года подъ знаменами и 8½ лѣтъ въ резервѣ, всего 12 лѣтъ (**); люди же, назначаемые въ ополченіе, должны числиться въ немъ только три года, а для обученія ежегодно собираться лишь на три недѣли.

Разсмотримъ по порядку всѣ эти предложенія.

Достаточно или нѣтъ существующихъ у насъ теперь 47 дивизій, это еще спорный вопросъ; но согласиться, что намъ, руководствуясь проектомъ г. Фадѣева, возможно *всѣ* наши пѣхотныя дивизіи держать въ кадровомъ составѣ, было бы крайне опрометчиво, чтобъ не сказать болѣе. Начиная съ того, что самъ же г. Фадѣевъ говоритъ: *„если кадры слишкомъ понизить, то изъ арміи выйдетъ не регулярное войско, а ополченіе, что — прибавляетъ онъ — не для всѣхъ годится“* (***). Мы же скажемъ: ни для кого это не годится. Количество постоянной арміи и отношеніе ея кадровъ къ штатамъ военного времени—цифры далеко произвольныя. Изъ долготѣнныхъ опытовъ дознано, что постоянная армія должна составлять, по крайней мѣрѣ, со-

(*) Г. Фадѣевъ въ одномъ мѣствѣ въ это число включаетъ жителей обоаго пола (февраль, стр. 783), а въ другомъ только мужское населеніе (апрѣль, стр. 455).

(**) Стр. 168, мартъ, „Русскій Вѣстникъ“.

(***) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 737.

тую часть населенія въ государствѣ. Эта-то сотая часть, въ сущности, и составляетъ вездѣ кадры. Такъ Франція и въ Пруссіи, при 40 и 22-миліонномъ населеніи, держатъ постоянно въ кадрахъ 400 и 210 тысячъ солдатъ. У насъ, значить, при 80,000,000 жителей, слѣдуетъ держать налицо, по крайней мѣрѣ, 800,000 человѣкъ. Что же касается отношенія, существующаго между кадромъ и резервомъ, то признано, что, безъ особаго ущерба для боевыхъ качествъ войскъ, его не слѣдуетъ допускать ниже половины.

Спросимъ теперь г. Фадѣева, будетъ ли возможность, при кадровомъ составѣ отдѣльныхъ частей войскъ, доводить ихъ до того состоянія, котораго онъ, повидимому, самъ желаетъ, именно: „чтобы кадры формировали не только отдѣльныхъ бойцовъ, но и боевыя части; не только создавали бы въ нихъ единство духа, но и цѣлые полки обращали бы въ личность, въ чудовище въ нѣсколько тысячъ рукъ и головъ“ (*). Что-то плохо вѣрится, чтобъ все это было возможно въ частяхъ кадроваго состава, особенно при трехлѣтнихъ срокахъ дѣйствительной службы солдата. Мы скорѣе склонны думать, что, допустивъ такое сокращеніе, не только солдаты, но и наши старшіе начальники едва-ли будутъ имѣть время многому выучиться и придать частямъ необходимую боевую заправку. Вѣдь сборы войскъ у насъ возможны лишь въ лѣтнее время на два, много на три мѣсяца; слѣдовательно, образованіемъ солдата серьезно можно будетъ заняться только девять мѣсяцевъ въ теченіе его трехлѣтней службы. Полагаемъ, что этого времени крайне будетъ недостаточно для боеваго обученія нашихъ войскъ, какъ бы ни была велика способность русскаго человѣка „быстро становиться первымъ бойцомъ въ мѣрѣ“. Для большаго подтвержденія только что нами сказаннаго, приводимъ слова самого же г. Фадѣева, который, между прочимъ, говоритъ: „Сведеніе войскъ на извѣстные ероки массами необходимо само по себѣ: иначе, все крупное военное начальство, начиная съ штабъ-офицерскаго чина, не будетъ подготовлено къ войнѣ, растеряется при внезапной многочисленности; даже полки и батальоны, какъ сборныя части, не приучатся давать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи.... всякій пробѣлъ въ связи верха съ низомъ, одной части съ другою, разрушая единство настроенія, разрушаетъ ея боевую цѣль-

(*) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 752.

ность“ (*). Спрашивается теперь: какъ же согласить два совершенно противоположные совѣта автора: держать постоянно всю нашу пѣхоту въ кадрахъ и въ то же время обучать ее въ усиленныхъ составахъ? Что-нибудь изъ двухъ: или отъ времени до времени призывать къ своимъ частямъ отпускныхъ, или нѣкоторыя дивизіи, по очереди, держать въ усиленномъ составѣ. Неудобство перваго способа ясно до очевидности, второй же способъ въ настоящее время принять для нашей арміи и совершенно удовлетворяетъ своему назначенію.

Наконецъ, какимъ образомъ, мы, при бѣдности нашихъ рельсовыхъ путей, можемъ рискнуть держать наши войска въ пограничныхъ областяхъ въ кадровомъ составѣ? Положимъ, что непріятельская армія не можетъ внезапно вторгнуться въ наши предѣлы; но весьма можетъ случиться, что вблизи ихъ, не болѣе какъ въ мѣсяцъ времени, намъ необходимо будетъ имѣть нѣсколько дивизій въ полной готовности. Неужели же мы успѣемъ довести эти дивизіи въ такой короткій срокъ до штатнаго комплекта, въ особенности когда резервамъ придется поспѣвать къ своимъ боевымъ частямъ изъ отдаленныхъ губерній, что необходимо должно будетъ случиться при комплектованіи отдѣльныхъ частей войскъ изъ однихъ и тѣхъ же рекрутскихъ участковъ? Мы уже не станемъ говорить о тѣхъ тягостяхъ караульной службы, которыя неизбѣжны для войскъ, постоянно находящихся въ кадровомъ составѣ. Кому приходилось испытать это на опытѣ, тотъ очень хорошо знаетъ, чѣмъ это отзывается на войскахъ.

Показавъ, такимъ образомъ, на сколько предположенія г. Фадѣева: держать нашу дѣйствующую армію постоянно въ кадрахъ, практичны и полезны, перейдемъ къ разсмотрѣнію мыслей автора по устройству у насъ народнаго ополченія, которое, по его мнѣнію, можетъ составить если не боевую силу Россіи, то весьма важное ей подспорье. „Кромѣ дѣйствующихъ армій — говоритъ г. Фадѣевъ — сосредоточиваемыхъ на пунктахъ, гдѣ рѣшается участь войны, каждому государству еще необходима огромная масса войскъ для второстепенныхъ цѣлей: для огражденія своихъ предѣловъ, лежащихъ вдали отъ главнаго театра войны, для гарнизоновъ своихъ крѣпостей, для занятій внутри государства карауловъ“ и проч. (*). Для

(*) „Русскій Вѣстникъ“, іюнь, стр. 564.

(**) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 772.

всего этого, по мнѣнію автора, вовсе не нужно заблаговременно-обученныхъ войскъ: ихъ вполне могутъ замѣнить ополченцы, лишь бы въ нихъ былъ развитъ хорошій народный духъ. Такихъ ополченцевъ, по мнѣнію автора, намъ нужно имѣть въ запасъ, по крайней мѣрѣ, отъ 480 до 550 тысячъ (*) или отъ 40 до 46 пѣхотныхъ дивизій.

Конечно, сформировать вдругъ во время войны такую массу силъ было бы крайне затруднительно; поэтому г. Фадѣевъ старается указать тѣ мѣры, которыя бы значительно облегчили призывъ подъ знамена необходимаго числа ополченцевъ.

Для этого, по его мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ военную службу сдѣлать у насъ обязательною для всѣхъ сословій и всю Россію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, раздѣлить на 24 рекрутскихъ участка, каждый силою въ 133,000 душъ мужскаго пола, въ которыхъ, какъ мы уже сказали, ежегодно изъ каждой тысячи душъ набирать по три человѣка для дѣйствующей, или постоянной арміи, и по семи человѣкъ записывать въ мѣстное ополченіе, оставляемое въ мирное время по домамъ и призываемое только для обученія ежегодно на трехнедѣльный срокъ.

Такимъ образомъ, по счету г. Фадѣева, мы, имѣя 32,000,000 мужскаго населенія, могущаго подлежать рекрутству, можемъ ежегодно брать съ каждой 1,000 душъ, безъ малаго, по три рекрута и по семи ополченцевъ, что составитъ всего до 320,000 человѣкъ. Допустивъ, что такой расчетъ произошелъ отъ ошибки въ вычисленіяхъ автора (**), и что, основываясь на другихъ цифрахъ, приводимыхъ въ его же сочиненіи, ежегодный контингентъ рекрутъ и ополченцевъ не будетъ превосходить 250,000 человѣкъ (***), то и тогда нельзя не признать, что такая повинность, сравнительно съ нынѣшнею, для нашего народа будетъ крайне обременительною.

Короткій срокъ службы, предлагаемый авторомъ, едва-ли можетъ значительно облегчить эту тяготу. Такъ или иначе, а народу нужно будетъ ежегодно снаряжать около 250,000 рекрутъ и ополченцевъ, что не можетъ обойтись дешево. Далѣе:

(*) „Русскій Вѣстникъ“, февраль, стр. 777.

(**) Стр. 453, апрѣль, „Русскій Вѣстникъ“.

Мы не беремъ на себя ответственности за тѣ невѣрности цифровыхъ данныхъ, которыя встрѣчаются въ статьяхъ г. Фадѣева.

(***) 100,000 рекрутъ и 160,000 ополченцевъ.

гдѣ же ручательство, что, отъ ежегоднаго отвлеченія такой массы лучшихъ работниковъ, не станетъ видимо страдать наша сельская промышленность, служащая пока главнымъ источникомъ нашего народнаго богатства? Остановимся, для примѣра, хоть на трехнедѣльномъ сборѣ безсрочно-отпускныхъ и ополченцевъ, для военнаго ихъ обученія, какъ совѣтуетъ г. Фадѣевъ, и посмотримъ, во что эти сборы могутъ обходиться. Трехдневный сборъ безсрочно-отпускныхъ и ополченцевъ, при тѣхъ рекрутскихъ участкахъ, на которые авторъ предполагаетъ раздѣлить Россію, потребуютъ со сборами и переходами не 21 день, а по меньшей мѣрѣ цѣлый мѣсяць. Къ этому сбору будетъ призываемо, во всѣхъ 240 участкахъ, до 1,200,000 человекъ (*). Допустивъ, что ихъ рабочій день, круглымъ числомъ, можетъ быть оцѣненъ не дороже 50 копѣекъ, значить ежегодно народъ станетъ терять около 18,000,000 на однихъ только заработкахъ.

Замѣтимъ при этомъ, что г. Фадѣевъ нигдѣ не говоритъ, кто будетъ кормить, лечить и вообще довольствовать эту громадную массу людей во время ихъ лѣтнихъ сборовъ. Но, во всякомъ случаѣ, кто бы ихъ ни сталъ довольствовать—дешево это также стоить не можетъ. Опредѣливъ самую скромную цифру — 3 р. въ мѣсяць — и тогда сумма выйдетъ немалая, именно въ 3,600,000 р. Если ко всему этому прибавить, что надо же будетъ устроить администрацію и матеріальную часть для ополченцевъ (постоянные склады оружія, учебныхъ припасовъ и проч.), то, вѣроятно, расходъ на трехнедѣльные сборы возрастетъ по меньшей мѣрѣ до 25,000,000.

Чему же однако, при затратѣ такой немаловажной суммы, можетъ выучиться ополченецъ? Весьма и весьма немногую. Покрайней мѣрѣ, мы рѣшительно отказываемся понять, чему можно выучить нашего простолюдина, призываемаго въ мѣста сбора на три недѣли въ годъ, особенно, если на 5,500 человекъ, приходящихся на каждый участокъ безсрочныхъ и ополченцевъ, для приученія ихъ къ цѣльной стрѣльбѣ, будетъ отпущено всего 200 хорошихъ ружей, какъ предлагаетъ, должно быть для дешевизны, г. Фадѣевъ (**). Можно навѣрное сказать, что такіе сборы, совершенно напрасно отрывая народъ отъ заработковъ, могутъ возбудить въ немъ скорѣе нерасположе-

(*) См. „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 458.

(**) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 454.

ніе, чѣмъ охоту и любовь къ военному дѣлу. Народъ нашъ слишкомъ здраво и практично смотритъ на вещи, чтобы не понять всей безполезности напраснаго и притомъ убыточнаго шатанія по участку, предлагаемаго авторомъ „Вооруженныхъ силъ“.

Нельзя не удивляться также, какимъ образомъ г. Фадѣеву могла придти мысль замѣнять ополченцами такихъ, на примѣръ, нестроевыхъ, какъ деньщики, лазаретная прислуга и пр. Это значило бы окончательно оставить нашихъ офицеровъ безъ всякой прислуги, а бѣдныхъ больныхъ и раненыхъ отдать въ руки крестьянамъ, только-что взятымъ отъ сохи. Нѣтъ, ужъ если обстоятельства когда-нибудь вынудятъ насъ прибѣгнуть къ ополченію, то едва-ли не лучше остаться намъ при прежней системѣ ихъ формированія. Покрайней мѣрѣ, мы будемъ имѣть ту выгоду, что народъ, понимая этотъ призывъ, какъ временную мѣру, съ большимъ воодушевленіемъ и охотно пойдетъ въ ополченіе и не станетъ смотрѣть на него какъ на рекрутчину, т. е. какъ на всякую обязательную повинность, нигдѣ вообще непопользующуюся особымъ сочувствіемъ народа. Собранное даже наскоро ополченіе все-таки будетъ имѣть гораздо болѣе средствъ ознакомиться съ военнымъ дѣломъ, чѣмъ ополченцы, проектируемые г. Фадѣевымъ. Скажемъ здѣсь кстати: мы сильно сомнѣваемся въ пригодности и безсрочно-отпускныхъ, предлагаемыхъ авторомъ „Вооруженныхъ силъ“. Неужели серьезно можно повѣрить, что въ солдатѣ, пробывшемъ только три года подъ знаменами и отпущенномъ на восемь лѣтъ домой, можно трехнедѣльными ежегодными сборами поддерживать качества регулярнаго воина? Полагаемъ, что если прежній безсрочно-отпускной, послѣ 15-лѣтней службы, возвращаясь домой, скоро переставалъ быть зачастую годнымъ солдатомъ, то при краткихъ срокахъ, весьма естественно, это будетъ повторяться еще чаще. Г. Фадѣевъ, какъ видно, упустилъ изъ вида, что *резервъ можетъ практически удовлетворять своей цѣли лишь въ томъ случаѣ, если въ состояніи длительно поставлять въ ряды арміи вполне готовыхъ солдатъ, въ боевомъ отношеніи.*

Итакъ, сокративъ срокъ службы до $3\frac{1}{2}$ лѣтъ, а составъ всей нашей пѣхоты до кадроваго состава, мы поставили бы нашу армію въ весьма опасное положеніе, подорвавъ въ ней боевыя качества. Безсрочно-отпускные же, призванные подъ знамена, послѣ долголѣтняго пребыванія дома, не только не составили

бы „живой, единомысленной и предприимчивой массы действительныхъ регулярныхъ войскъ“, а, напротивъ, обратили бы его въ дурно-сложенное и плохо-обученное ополченіе.

Сколько можно судить, г. Фадѣевъ и самъ, кажется, того мнѣнія, что проектируемая имъ система едва-ли можетъ дать благонадѣжныя въ боевомъ отношеніи войска, и поэтому совѣтуетъ различныя мѣры для поднятія нравственной стороны его молодыхъ солдатъ.

Къ такимъ мѣрамъ, между прочимъ, онъ относитъ исполненіе полковъ людьми изъ однихъ и тѣхъ же рекрутскихъ участковъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ по этому поводу: „между полкомъ и участкомъ завяжется глубочайшая душевная связь; участокъ будетъ знать въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію своего полка, станетъ гордиться имъ и за нимъ тянуться. Ополченцы, взявъ ружье въ руки, скажутъ: „вѣдь мы тѣ же!“ и подъ командою хорошаго начальника совершать чудеса. Взаимная связь одноземцевъ также сильно отзовется на полку, какъ и на мѣстности; солдатъ будетъ знать, что его хорошая слава, память о заслугахъ не исчезнутъ съ выходомъ въ отставку: она воротится съ нимъ подъ отчій кровью; его встрѣтятъ въ родномъ селѣ съ тою степенью уваженія, какую онъ заслужилъ въ строю. Однимъ великимъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ побужденіемъ къ отличію будетъ больше для русскаго солдата. Можно вполне поручиться, что полкъ, составленный изъ одноземцевъ, изъ сосѣдей, притомъ носящій мѣстное названіе страны, составляющей его рекрутскій участокъ, разовьется такимъ органическимъ цѣлымъ, будетъ такъ воодушевленъ, какъ не былъ еще никогда ни одинъ полкъ нашей арміи“ (*).

Нельзя не согласиться, что основная мысль автора совершенно справедлива: формированіе полковъ изъ одноземцовъ несомнѣнно отразилось бы самыми благотворными послѣдствіями на духъ нашей арміи; но, къ сожалѣнію, предложеніе г. Фадѣева, пока, у насъ не можетъ быть исполнено по многимъ причинамъ. Одними изъ главнѣйшихъ затрудненій въ этомъ вопросѣ, конечно, слѣдуетъ считать наше географическое и политическое положеніе. Можно надѣяться, что неудобства перваго современемъ и устранятся, когда у насъ будетъ побольше желѣзныхъ дорогъ; относительно же втораго замѣтимъ,

(*) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 456.

что намъ слѣдуетъ пользоваться всѣми средствами для обрусѣнія разныкъ нашихъ мелкихъ народностей, и что ряды нашей арміи представляютъ къ тому одно изъ могучихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ. Допустить же, что такого обрусѣнія можно было бы достигнуть одними только офицерами и унтеръ-офицерами, едва-ли возможно. Если въ Петербургѣ, среди чисто-русскаго населенія, въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ кавалеріи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, малороссійское нарѣчіе было преобладающимъ между солдатами, то кто же поручится, что то же самое не могло бы повториться въ полкахъ, составленныхъ изъ остзейскихъ финновъ, татаръ, морды и пр.? Нѣтъ сомнѣнія, что даже строевое обученіе такихъ равнозначныхъ полковъ могло бы затрудниться немало. Далѣе г. Фадѣевъ предлагаетъ допустить въ широкихъ размѣрахъ денежный откупъ отъ рекрутчины, что, по его мнѣнію, можетъ, во-первыхъ, избавить армію отъ людей, по своимъ качествамъ, мало пригодныхъ къ военному дѣлу, и, во-вторыхъ, дать средства къ найму или вербовкѣ на вторые и третьи сроки старослужащихъ солдатъ.

Этихъ-то старослуживыхъ, въ лицѣ унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ и дадекъ, г. Фадѣевъ и предлагаетъ поставить въ головѣ нашихъ молодыхъ войскъ, какъ искушенныхъ и испытанныхъ воиновъ.

Кромѣ того, г. Фадѣевъ, сознавая, что для серьезной войны одной многочисленной арміи будетъ недостаточно и что для ея успѣха необходимо имѣть армію войска, предлагаетъ сформировать нѣсколько отборныхъ частей.

Глава объ отборныхъ войскахъ, между прочимъ, интересна въ томъ отношеніи, что въ ней встрѣчаются мысли совершенно противоположныя тому, что было высказано авторомъ въ его предыдущихъ статьяхъ. „Въ настоящее время—говоритъ г. Фадѣевъ—въ Европѣ есть много армій безъ отборныхъ войскъ. Между тѣмъ, значеніе отборныхъ резервовъ на войнѣ чрезвычайно велико; иногда они ничѣмъ не замѣняемы.

„Съ отборнымъ резервомъ можно противопоставить неприятелю, вмѣсто *превосходства числа*, *превосходства качества*. Превосходство качествъ отборныхъ войскъ бываетъ слѣдствіемъ не только лучшаго выбора людей, но также лучшаго воспитанія и болѣе длинной службы. Молодые войска никогда не

могутъ быть отборными. Предпринимать войну безъ твердыхъ, какъ камень, резервовъ значитъ ставить ва-банкъ, играть наудачу.... Таково было положеніе прусаковъ и австрійцевъ въ нынѣшней войнѣ, съ ихъ двухгодичными солдатами. Первые удивились своей побѣдѣ, но не удивились бы нисколько поражению, а поражение было бы такъ же безвозвратно для нихъ, какъ и для ихъ противниковъ. Даже великая армія Наполеона I (до 1808 года), основаніемъ которой служили ветераны революціи, но потомъ набранная изъ молодыхъ солдатъ, подъ начальствомъ тѣхъ же генераловъ, оказалась совсѣмъ иною. Такъ уже при Ваграмѣ, гдѣ билась не аустерлицкая армія, а *войска смѣшанныя, старыя полки съ вновь сформированными*, Наполеонъ не рѣшился допустить австрійцевъ обойти свой флангъ и сказалъ: „въ моей арміи слишкомъ много *молодыхъ* солдатъ: они испугаются этого движенія“. Вотъ что значатъ старыя и молодыя полки! У главнокомандующаго развязаны руки, онъ имѣетъ все только съ первыми (*).“

Послѣ всего сказаннаго г. Фадѣевымъ, остается только удивляться, какимъ же образомъ рѣшился онъ предлагать намъ систему, грозившую обратить нашу армію чуть ли не поголовно въ плохо-обученное ополченіе? Неужели авторъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, что такими паліативными мѣрами, какъ сформированіе отборныхъ войскъ, можно поправить дѣло? Неужели можно согласиться съ нимъ, что достаточно къ миліонной ополченской арміи придать лишь восьмую часть хорошихъ войскъ, чтобы быть увѣреннымъ въ рѣшительной побѣдѣ даже „въ битвѣ съ гигантами“? Но посмотримъ, откуда предлагаетъ авторъ набирать этихъ идеальныхъ воиновъ для его „безсмертныхъ дружинъ“. По его мнѣнію, отборныя войска нужны только для дѣйствующей арміи, которой поручается рѣшеніе кампаніи на главномъ театрѣ войны; поэтому, по его разсчету, для насъ вполне будетъ достаточно 90 комплектныхъ баталіоновъ, что доставитъ 9 пѣхотныхъ дивизій и 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ (**).

Далѣе авторъ говоритъ, что первыя качества отборныхъ

(*) „Русскій Вѣстникъ“, мартъ, стр. 143—201.

(**) Отборныя войска, по словамъ автора, намъ нужно сформировать изъ полковъ прославленныхъ и теперь уже заключающихъ въ себя элементы нравственнаго и матеріальнаго превосходства. Такими полками, по мнѣнію г. Фадѣева, могутъ быть гвардейскіе, гренадерскіе и пять полковъ кавказской арміи; девять же стрѣлковыхъ отборныхъ баталіоновъ авторъ совѣтуетъ сформировать изъ пластуновъ.

войскъ должны состоять въ несокрушимости, даже въ случаѣ неудачи. Онъ полагаетъ, что достигнуть этого будетъ нетрудно: стоять только, при помощи *динамометра*, выбрать самыхъ вѣрнѣйшихъ и здоровыхъ рекрутъ, изъ всѣхъ участковъ, и заставить ихъ служить нѣсколько долѣе, чѣмъ солдатъ обыкновенныхъ войскъ.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ изъ-за того только, что солдатъ будетъ здоровѣе и прослужить больше, онъ, по выраженію автора, станетъ „несокрушимымъ и твердымъ какъ сталь“? Вопросъ о томъ, молодымъ или старымъ солдатамъ слѣдуетъ отдавать преимущество, съ давнихъ поръ уже интересуетъ боевыхъ людей и въ послѣднее время, кажется, съ достаточною полнотою выясненъ современными военными авторитетами. Большинство изъ нихъ того мнѣнія, что ни особенно молодые, ни весьма старые солдаты не годны для боеваго дѣла. По ихъ убѣжденію, только молодые люди, прослужившіе около *пяти лѣтъ* подъ знаменами, могутъ считаться вполне надежными воинами, какъ въ нравственномъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько мыслей по этому предмету изъ столь извѣстной брошюры г. Трошю (*).

„Всѣ мы — говорить г. Трошю — страстные охотники до старыхъ солдатъ. Преданія и книги наполнены самыми громкими ихъ подвигами, самыми восторженными о нихъ похвалами. На дѣлѣ однакожь это далеко не такъ. Начнемъ съ того, что лучшія наполеоновскія арміи были не изъ старыхъ, но изъ *достаточно-молодыхъ и опытныхъ солдатъ*. Когда же ея арміи утратили однородность, стали представлять два элемента, *старыхъ и новобранцевъ*, исчезла и прочность армій, и на сколько новобранцы выбывали массами изъ рядовъ отъ усталости и безсилія, на столько же оставались за арміями цѣлыя массы мародеровъ изъ стариковъ. Въ кампанію 1807 года цифра такихъ мародеровъ доходила до 60,000 человекъ.“ По мнѣнію г. Трошю, самый капитальный недостатокъ старыхъ солдатъ заключается въ томъ, что, дряхлѣя подъ знаменами и отрываясь надолго отъ семьи, они становятся чуждыми великихъ порывовъ и нравственныхъ увлеченій. Обращаясь въ скептика, старый солдатъ болѣе всего заботится о своемъ ма-

(*) L'armée française en 1867.

теридальномъ благосостояніи и зачастую, ища себѣ удовольствій и развлеченій, впадаетъ въ пьянство.

Въ той же брошюрѣ говорится, что рекруты лишь черезъ два года службы подъ знаменами начинаютъ провиняться, такъ сказать, *солдатскимъ духомъ*. Это, по словамъ г. Трошю, первая степень зрѣлости и лишь начало *духа военнаго*, который глубже и окончательнѣе можетъ развиться лишь въ послѣдующіе годы *дѣйствительной службы*. Тогда-то и является настоящій *старослуживый солдатъ*, полный молодыхъ силъ и энергіи, сохранившій все лучшее вѣрованія и иллюзіи. Подобные люди, возвращаясь въ цвѣтъ лѣтъ по домамъ, принимаются за свое дѣло, женятся, создаютъ семьи и вносятъ въ нихъ привычки порядка, труда и уваженія къ законамъ. Возобновленіе арміи такимъ путемъ—говоритъ г. Трошю—*есть лучшее средство къ возвышенію народной нравственности*.

Противопоставляя недостаткамъ старыхъ солдатъ достоинство молодыхъ, г. Трошю далекъ одинакожь отъ мысли жертвовать *качествомъ* войскъ въ пользу ихъ *количества*, и поэтому находитъ, что для французскаго солдата необходимо назначить пять лѣтъ дѣйствительной службы и три года въ резервѣ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, г. Фадѣевъ именно старается доказать, что въ настоящее время количество войскъ едва-ли не важнѣе его качества, и, увлекаясь этой мыслью, доходитъ до того, что полагаетъ совершенно достаточнымъ для полного сформированія воина трехгодичный срокъ службы подъ знаменами.

Относительно отборныхъ войскъ, между прочимъ, вотъ что говоритъ г. Трошю: „Каждая часть войскъ, кромѣ духа, должна еще имѣть *прочныя основы въ самой организаціи*. Обыкновенно пѣхоту называютъ „царицей битвъ“, и это справедливо: она есть главный дѣятель въ сраженіи и точка опоры для всѣхъ другихъ оружій. Но взглянемъ, какъ же эта пѣхота, это главное орудіе боевой силы, пополняется? Изъ годнаго контингента мы прежде всего отбираемъ лучшихъ людей въ спеціальныя войска, въ кавалерію, въ стрѣлковые баталіоны, въ гвардію и пр. Затѣмъ обобранный такимъ образомъ остатокъ достается линейной пѣхотѣ, которая, по назначенію составляя передовую массу нашихъ боевыхъ линій, въ сущности лишена твердости и силы, вслѣдствіе существованія отборныхъ войскъ.“

Приведенная нами выдержка, кажется, может служить достаточнымъ доводомъ противъ предложенныхъ г. Фадѣевымъ отборныхъ войскъ для нашей арміи. Трудно не согласиться, что пѣхотныя массы будутъ прочны лишь тогда, когда во всѣхъ частяхъ сильныя и слабыя люди будутъ распределены равномерно; разъ же согласившись съ этимъ, нельзя не признать, что отборныя войска не представляютъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ нѣкоторые приписываютъ, и что, слѣдовательно, въ принципѣ слѣдуетъ стремиться къ уменьшенію, а не къ увеличенію ихъ.

Чтобы покончить съ предложеніями автора по части преобразованій нашей пѣхоты, скажемъ еще нѣсколько словъ о предполагаемой имъ замѣнѣ нашей внутренней стражи ополченцами и жандармами.

По мнѣнію автора, при узаконенномъ у насъ ополченіи, нынѣшніе губернскіе баталіоны можно будетъ замѣнить ополченцами, для чего изъ каждаго рекрутскаго участка и назначать по 100 человекъ, что составитъ 48,000 на всю Россію, цифру, близко подходящую къ нынѣшнему числу губернской стражи (*). Ополченцамъ этимъ поручить только содержаніе карауловъ въ городахъ. Для наблюденія же за внутреннимъ спокойствіемъ и безопасностію жителей необходимо—по словамъ автора—сформировать, по примѣру западныхъ державъ, корпусъ жандармовъ, силою въ 30,000 человекъ. Жандармы эти, какъ желаетъ авторъ, должны быть ловки, расторопны, находчивы, словомъ, по своимъ качествамъ, нисколько не уступать французскимъ жандармамъ.... Мы, пожалуй, съ радостію согласились бы ввѣрить нашу безопасность такимъ образомъ блюстителямъ порядка; но гдѣ же авторъ прикажетъ взять ихъ? Правда, онъ совѣтуетъ набирать ихъ изъ служащихъ или изъ отставныхъ солдатъ. Но и то и другое едва ли будетъ удобно. Въ первомъ случаѣ нашей арміи придется терять ежегодно значительное число отличныхъ людей, которыхъ у насъ, сказать правду, пока еще не очень много; во второмъ же случаѣ пришлось бы на наемъ отставныхъ тратить значительныя суммы. По нашему мнѣнію, ужъ если гдѣ мы можемъ безъ особаго ущерба качество замѣнять количествомъ, то, конечно, пока въ нашей внутренней стражѣ. Автору, вѣроятно, неизвѣстно, что когда въ прошломъ году приш-

(*) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 440.

лось въ царствѣ Польскомъ сформировать такъ называемую земскую стражу, то губернское начальство встрѣтило немалыя затрудненія для ея набора. Итакъ, если трудно было найти какихъ-нибудь 2,500 вполне способныхъ для этого людей, то какъ же предполагать, что ихъ найдется въ изобиліи для цѣлой Россіи?

Сказавъ о существеннѣйшихъ предложеніяхъ г. Фадѣева по части преобразованія нашей пѣхоты, намъ остается еще разсмотрѣть, какъ думаетъ онъ устроить нашу кавалерію.

Обсужденіемъ этого вопроса авторъ занимается съ особенною любовію и посвящаетъ ему нѣсколько главъ своего сочиненія. И нельзя не согласиться, что нѣкоторыя мысли, высказанныя имъ по этому предмету, заслуживаютъ вниманія.

Основная мысль г. Фадѣева о преобразованіи нашей кавалеріи заключается въ томъ, что намъ слѣдуетъ отказаться отъ нынѣшней нашей кавалеріи, набираемой изъ крестьянъ, и замѣнить ее донскими казаками, обративъ полки ихъ въ регулярные.

Не входя въ разборъ, на сколько теперь возможно покончить съ привилегіями Донскаго войска, а также и тѣхъ мѣръ, которыя предлагаетъ авторъ для обращенія казачьихъ полковъ въ регулярные, мы остановимся лишь на тѣхъ доводахъ, которыми онъ старается доказать, что донскіе казаки могутъ быть регулярнымъ войскомъ.

„Разныя казачьи войска—говоритъ г. Фадѣевъ—по своимъ свойствамъ и привычкамъ неодинаковы. Линейные казаки, напримѣръ, сравнительно съ другими, гораздо больше ирегулярная конница. Но донскіе казаки, напротивъ, прирожденная регулярная кавалерія. У первыхъ выѣздка коня черкесская, у вторыхъ монгольская, то есть степная, прямолинейная, пріучающая лошадь къ сильнѣйшему, неудержимому разскоку—первое качество коня въ строю. Донской казакъ носить ружье потому только, что оно введено въ его форму, но ружье не составляетъ у него первой надежды, какъ у линейца; главное оружіе его пика, то есть оружіе вмѣстѣ холодное и строевое. Это различіе самое характеристическое. Для наѣздника—одиночки винтовка и шашка гораздо удобнѣе. Если масса вооружается пикой, то, значить, она хочетъ дѣйствовать сомкнутою силой, значить сомкнутый регулярный строй у нея въ крови. Такъ и дѣйствовали донцы, пока ихъ не обратили по-

чти насильно въ регулярное войско. Коренные донскіе кони не жидкіе, какъ кабардинскіе, служащіе линейцамъ, но по большей части рослые и дубоватые, кони для разлета и удара; главное достоинство ихъ въ силѣ и въ выносливости, опять достоинство регулярно-кавалерійское. Вотъ еще разница. Донцы, опрокинувъ непріятеля, преслѣдуютъ его массою, до послѣдней возможности, не развлекаясь ничѣмъ, пока противникъ въ виду; линейцевъ же почти невозможно удержать, чтобы они не останавливались по нѣскольку надъ каждымъ свалившимся своимъ и непріятельскимъ всадникомъ, для оказанія помощи или для добычи. На Кавказѣ, гдѣ тѣ и другіе служили рядомъ по многу лѣтъ, это различіе замѣчалось постоянно. Тутъ въ донцахъ сказывается даже нравственно духъ регулярной кавалеріи.“

Несмотря на эти чисто-регулярныя боевыя качества донцовъ—по словамъ автора—большинство нашихъ военныхъ до сихъ поръ не умѣло цѣнить ихъ настоящимъ образомъ, что происходило частію отъ самаго устройства донскихъ полковъ, частію же отъ способа употребленія ихъ въ европейской войнѣ. По словамъ автора, устройство Донскаго войска таково, что оно не даетъ развиваться корпусу настоящихъ строевыхъ и боевыхъ офицеровъ. „По войсковому положенію — говоритъ авторъ — всѣ чины войска одинаково казаки, всѣ считаются военными, носятъ эполеты и имѣютъ право переходить, когда захотятъ, съ гражданской должности на военную. Въ то же время постоянная цѣль каждаго казака по рожденію состоитъ въ томъ, чтобы добиться командованія полкомъ, потому что оно выгодно. Очень естественно, что войсковые чиновники исключительно стремятся къ этой цѣли и, получивъ штаб-офицерскій чинъ, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ вліянія, чтобы поскорѣе стать кандидатомъ въ полковыя командиры. Въ ихъ распоряженіи больше этихъ вліяній, чѣмъ у строевыхъ; во всякомъ случаѣ они имѣютъ такое же право на очередь, какъ и послѣдніе. Но эти чиновники такіе же точно чиновники, какъ во всей Россіи; донской стряпчій или секретарь ничѣмъ не отличается отъ такого же стряпчаго или секретаря соседней губерніи. Изъ этого выходитъ, что донскими полками и даже сотнями, если только стоянка полка выгодна, командуютъ болѣе стряпчіе, чѣмъ военные офицеры. По крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось встрѣчать между ними больше стряпчихъ

в секретарей, чѣмъ военныхъ. Эта характеристика можетъ быть распространена не только на многихъ полковыхъ командировъ, но и на значительное число штабъ-офицеровъ. А въ то время, какъ высшія мѣста въ донскихъ полкахъ наполняются чиновниками, низшія, но все-таки начальственные мѣста отдаются чаще писарямъ, чѣмъ наѣздякамъ. Я думаю, можно сказать, не преувеличивая, что едва-ли не половина донскихъ урядниковъ вышли изъ писарей и тому подобныхъ мелкихъ агентовъ власти. Вещь ясная. Войсковой чиновникъ, получая военное начальство, беретъ съ собой людей, служившихъ ему за канцелярскимъ столомъ или въ другихъ послугахъ (они такіе же казаки по праву, хотя, можетъ быть, въ жизни не держали въ рукахъ пини) и производитъ ихъ въ урядники преимущественно (*). Потомъ эти урядники выходятъ въ офицеры и командуютъ сотнями по-писарски. Подобное смѣшеніе гражданской и военной службы, облеченной въ одну форму, производитъ въ казачьихъ войскахъ тѣ же послѣдствія, какія бы оно произвело вездѣ. Надобно удивляться крѣпости закала донской природы, видя иль даже тѣмъ, что они есть; другіе на ихъ мѣстѣ стали бы хуже китайцевъ. Вотъ и разгадка, почему донцы могутъ быть, но рѣдко бываютъ, отличною кавалеріей: это съ ними случается тогда лишь, когда они попадаютъ въ руки хорошаго строеваго командира. ⁴

Предлагая обратить донскихъ казаковъ въ регулярную кавалерію, г. Фадѣевъ указываетъ далѣе на способы къ увеличенію числа нашей ирегулярной конницы, для чего, по его мнѣнію, кромѣ линейныхъ и остатныхъ казаковъ, будутъ вполне пригодны кавказскіе горцы, киргизы и другіе наши кочевые народы (**).

Затѣмъ, для полноты военно-административныхъ вопросовъ, затронутыхъ статьями г. Фадѣева, намъ остается еще сказать о взглядѣ его на общество нашихъ офицеровъ. Въ этомъ отдѣлѣ статей, такъ же, какъ и о кавалеріи, г. Фадѣевымъ высказано много справедливаго, хотя и не новаго (***).

Съ той поры, какъ рядъ просвѣщенныхъ реформъ послѣдняго времени призвалъ наше дворянство, въ смыслѣ образованнаго сословія, къ разносторонней гражданской дѣятельности,

(*) Почти каждый штабный офицеръ имѣетъ при себѣ въ походѣ вѣстового казака; въ награду за личную послугу, онъ выпрашиваетъ ему галуны.

(**) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 499.

(***) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль, гл. XIII и слѣдующія.

вопросъ о комплектованіи нашей арміи офицерами становится весьма важнымъ и серьезнымъ. Офицерство, вмѣсто общественнаго званія, дѣлается не болѣе, какъ военнымъ чиномъ, и намъ, по совершенно справедливому замѣчанію г. Фадѣева, слѣдуетъ подумать о новой системѣ производства въ офицеры. Для этого, по его словамъ, необходимо: во-первыхъ, право производства въ офицеры распространить на лицъ всѣхъ сословій, поступающихъ въ ряды нашей арміи, и, во-вторыхъ, доставить всѣ средства къ подготовленію этихъ лицъ къ выдержанію экзамена (*). Самые же экзамены установить двоякаго рода: одинъ — окончательный, другой — только для оберъ-офицерскихъ чиновъ. Въ то же время раздѣлить военные чины на три группы: оберъ-офицеровъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ, *разорвавъ между ними всякое производство по старшинству, предоставляя ео лишь достойнымъ.*

Далѣе авторъ совѣтуетъ, по примѣру французскихъ войскъ, строго опредѣлить закономъ необходимое для нашей арміи число различныхъ чиновъ, отъ генерала до прапорщика, и по возможности ограничить число такихъ должностей, которыя даютъ возможность носить военный мундиръ и въ то же время вовсе не служить въ войскахъ.

Кромѣ обособленія всего офицерства въ массѣ, какъ военнаго сословія, авторъ совѣтуетъ обособить его по специальностямъ и не доводить перехода изъ одного рода оружія въ другой тѣми же чинами. „Во Франціи — замѣчаетъ авторъ — пѣхотный офицеръ можетъ поступить въ квалерію, а квалерійскій въ пѣхоту — только солдатомъ.“

Необходимо также, по мнѣнію автора, принять возможныя мѣры къ развитію въ нашихъ офицерскихъ обществахъ корпоративнаго духа и любви къ своему дѣлу, для чего — говоритъ онъ — слѣдуетъ дать рѣшительный поворотъ ихъ воспитанію. „Скромность, тихонравіе, безусловная покорность старшему внѣ службы и отсутствіе своего сужденія — по словамъ автора — обращаются въ боевомъ человѣкѣ въ величайшіе недостатки. Нельзя стать

(*) Нужно замѣтить, что вопросы эти, гораздо прежде заявленія автора „Вооруженныя силы Россіи“, занимали наше военное министерство и были предметомъ всесторонняго обсужденія. Сколько намъ извѣстно, въ настоящую минуту близко уже къ окончанію разрабатываемое положеніе о томъ, чтобы нижнихъ чиновъ, обязанныхъ по закону срочной службой, допускать въ юнкерскія училища, и затѣмъ между ними и добровольно-служащими не дѣлать никакихъ различій, какъ по прохожденію курса училищъ, такъ и по правамъ на производство въ офицеры.

боевымъ человѣкомъ, сохраняя характеръ мирнаго чиновника, даже при какой бы то ни было храбрости.

„Если офицеръ служить въ мирное время для того, чтобы попасть когда-нибудь на войну, то онъ долженъ выдѣлать себя для войны. Воспитаніе офицера должно быть таково, чтобы развивать въ немъ всевозможныя удалыя наклонности, конечно сопряженныя со строжайшимъ понятіемъ чести; искусство владѣть оружіемъ своимъ и солдатскимъ должно ставиться ему въ одно изъ первыхъ достоинствъ; жизнь его внѣ службы не должна быть стѣсняема ничѣмъ, кромѣ мнѣнія товарищества, облеченнаго положительною властію. Этому направленію во всѣхъ отношеніяхъ положено уже хорошее начало, и можно надѣяться, что нынѣшнее военное министерство станетъ его неуклонно развивать.“

Далѣе, совершенно справедливо замѣчая о слабости пока развитіи общественнаго мнѣнія среди нашихъ офицеровъ, авторъ говоритъ: „Существуетъ поговорка очень распространенная, но вовсе не вѣрная, что военные люди выносятся впередъ войной. Военные таланты, дѣйствительно, выказываются сами собой, но только въ чьихъ глазахъ? Въ глазахъ ближайшихъ свидѣтелей. Выносятся же они впередъ только зоркостію правительства или такою военною организаціею, въ которой армія, воспитанная въ чисто-военномъ духѣ, умѣетъ судить правильно о людяхъ и имѣетъ голосъ достаточно сильный для того, чтобы онъ былъ слышенъ всему обществу“ (*).

Г. Фадѣевъ полагаетъ однакожъ, что у насъ уже положены прочныя основанія для болѣе широкаго развитія какъ личности, такъ и самостоятельнаго мнѣнія въ средѣ нашего военного общества. Такіе благодѣтельные зачатки онъ видитъ въ учрежденіи офицерскихъ судовъ, въ новомъ дисциплинарномъ уставѣ, наконецъ въ свободѣ заявленія личныхъ взглядовъ въ военныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, для поднятія въ русскихъ войскахъ личности до надлежащаго уровня, необходимо: во-первыхъ, безпристрастное вниманіе высшихъ властей къ единодушному мнѣнію подчиненныхъ и, во-вторыхъ, чтобы военныя власти, при расцѣнкѣ и распредѣленіи людей въ арміи, обращали самое серьезное вниманіе на мнѣніе, существующее о нихъ въ средѣ ихъ товарищей. Далѣе, говоря о нашихъ уставахъ, авторъ выражаетъ желаніе дать имъ чисто-боевой

(*) „Русскій Вѣстникъ“, июнь, стр. 555—558.

характеръ, выкинуть изъ нихъ все, что не составляетъ потребности войны, а есть лишь произведеіе мирныхъ пародій войны, условной красоты и рутиннаго однообразія. Только при этихъ условіяхъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, военная служба можетъ стать практической школой умственнаго и нравственнаго боеваго развитія для нашей арміи (*).

Покончивъ со стратегическими и военно-административными взглядами автора „Вооруженныхъ силъ“, намъ, для полноты нашего обзора, остается сказать еще нѣсколько словъ о его тактическихъ воззрѣніяхъ.

Признаемся откровенно, нѣкоторые изъ нихъ до того поражаютъ своей теоретичностію и оригинальною парадоксальностію, что мы отказываемся понять, какимъ образомъ подобныя мысли могли выйти изъ-подъ пера столь горячаго сторонника всего практическаго, какъ г. Фадѣевъ. Намъ показалось тѣмъ болѣе еще это страннымъ, что авторъ неоднократно въ своихъ статьяхъ отдаетъ заслуженную похвалу „Курсу тактики“ г. Драгомирова, какъ извѣстно, отъ начала до конца проникнутому весьма здравыми и, до наглядности, практическими взглядами на современное военное дѣло.

Прежде всего г. Фадѣевъ находитъ, что русскаго солдата не слѣдуетъ особенно приучать къ стрѣльбѣ, но, основываясь на его природенныхъ наклонностяхъ, изъ него необходимо сдѣлать чуть-ли не исключительно рукопашнаго бойца.

„Къ побѣдѣ много разныхъ путей—говоритъ авторъ—но для каждого народа есть свой. Русскій солдатъ ненавидитъ огневой бой, не довѣряетъ начальнику, который заставляетъ вести его перепалку, и вѣрить только рукѣ своей, штыку и прикладу. Русскій солдатъ—рукопашный боецъ, и едва-ли наша армія когда-либо сравнится въ стрѣльбѣ съ хорошими европейскими арміями. Но объ этомъ нечего и жалѣть: каждому свой талантъ. Римляне отличались тѣмъ же свойствомъ: они брали только грудью, между тѣмъ какъ ихъ легкія войска всегда были хуже непріятельскихъ. Въ первой войнѣ намъ все-таки придется идти на проломъ, придется все-таки рассчитывать на штыкъ.“

Само собою, что при такомъ способѣ дѣйствія, основанномъ—какъ старается увѣрить авторъ—на присущихъ свойствахъ русскаго солдата, необходимо подумать: нельзя ли чѣмъ-нибудь ослабить губительность непріятельскаго ружейнаго огня? Вопросъ

(*) „Русскій Вѣстникъ“, іюнь, стр. 561.

этотъ г. Фадѣевъ рѣшаетъ весьма просто: онъ предлагаетъ за- шить нашу пѣхоту и отчасти навалерію въ войлочную броню. По его словамъ, эта новизна можетъ произвести страшный эффектъ, и кто рѣшится первый ввести у себя войлочные панцыри, тотъ непременно будетъ „владѣть Европою“ (*). „Если опытъ панцыря окажется удачнымъ—говорить онъ—то можно будетъ сказать: „тутъ было Провидѣніе, самъ Богъ внушилъ это откровеніе нашему вѣку для завершения судебъ Россіи“.

Надъ изобрѣтеніемъ такихъ панцырей авторъ трудился бо- лѣе двадцати лѣтъ. По его увѣренію, войска, одѣтыя въ эту войлочную броню, не страшась смерти, пойдутъ на какой угодно ружейный и даже картечный огонь и произведутъ такую па- нiku въ рядахъ своего врага, какой доселѣ еще не бывало: „одной такой дивизіи достаточно, чтобы рѣшить безъ колебанія какое угодно генеральное сраженіе“. Пока авторъ совѣтуетъ вооружить у насъ только 81 баталіонъ отборной пѣхоты, но современемъ онъ предлагаетъ это вооруженіе распространить и на всю нашу армію, кромѣ стрѣлковъ. Такое вооруженіе, по его разсчету, на первый разъ можетъ потребовать около 7,500,000, а современемъ, слѣдовательно, цифра эта можетъ возрасти до 40 мил. рублей. Расходъ, какъ видите, немаловаж- ный. Но, оставляя въ сторонѣ экономическую сторону вопроса, остановимся на нѣкоторыхъ данныхъ, чтобы судить, на сколько заманчивое предложеніе г. Фадѣева можетъ быть пригодно съ боевой точки зрѣнія.

Начнемъ съ того, что опытомъ дознано, что вѣсъ всего обмундированія и снаряженія пѣхотинца не долженъ превосходить 1 $\frac{1}{2}$ пуд., и что это, кромѣ насъ, принято во всѣхъ европей- скихъ арміяхъ. Переходъ за этотъ предѣлъ не только увеличи- ваетъ процентъ больныхъ и умирающихъ, но и вредно дѣйст- вуетъ на военныя способности арміи, уменьшая ея подвиж- ность. (**)

Между тѣмъ, нашъ пѣхотинецъ въ настоящее время носить на себѣ 86 фунтовъ, т. е. ровно на $\frac{1}{2}$ пуда болѣе, чѣмъ слѣдуетъ (***) . Если теперь одѣть его въ полушубокъ, какъ со- вѣтуетъ г. Фадѣевъ, да взвалить на него же войлочный панцырь, вѣсящій 15 фунтовъ, то спрашивается: сколько, при нашихъ

(*) „Русскій Вѣстникъ“, май, стр. 78.

(**) „Курсъ тактики“, г. Драгомирава.

(***) Тамъ же.

раостояніяхъ, этихъ неуязвимыхъ панцырниковъ доидеть до поля сраженія и на что они будутъ годны? Но положимъ, что въ напешъ 80-милліонномъ населеніи г. Фадѣву и удастся прискаты 80 тысячъ „старыхъ паладиновъ“ и что, такъ или иначе, этихъ богатырей можно будетъ выставить противъ врага. Что же они будутъ дѣлать? „Ходить въ атаку и, какъ горный обвалъ, уносить все на своемъ пути“, нисколько не стѣсняясь, отвѣчаетъ г. Фадѣвъ. Но самому же г. Фадѣву, прочитавшему „Курсъ тактики“ г. Драгомирова, весьма хорошо извѣстно, что успѣхъ атаки почти исключительно зависитъ отъ нравственнаго воодушевленія войска и отъ быстроты натиска. На сколько быстрота эта можетъ увеличиться при 15-фунтовыхъ латахъ, предоставляемъ рѣшить изобрѣтателю ихъ; относительно же моральнаго настроенія солдатъ напомнимъ, что, во-первыхъ, никакіе латы изъ труса героя не дѣлаютъ, и во-вторыхъ, что непріятелю ничто не помѣшаетъ, пустивъ десятокъ другой гранатъ въ колонну панцырниковъ, въ-конецъ разстроить ее. Г. Фадѣвъ, повидимому, человекъ бывалый и, вѣроятно, имѣлъ случай не разъ убѣдиться, какой нравственный эффектъ производятъ на массы войскъ удачно попадающіе въ нихъ артилерійскіе спаряды. Но, какъ кажется, г. Фадѣвъ вообще мало придаетъ цѣны огнестрѣльному дѣйствию и, повѣривъ на слово жидкому афоризму старыхъ и нынѣшнихъ французовъ — „что вся сила русскаго солдата въ кулакѣ“ (*), доходитъ до того, что даже ружье для него проектируетъ болѣе для удара, чѣмъ для пальбы. „Русскій солдатъ—говоритъ онъ—въ рукопашномъ бою больше бьетъ курикомъ въ голову, чѣмъ колетъ штыкомъ, и притомъ бьетъ такъ сильно и ловко, что происходящія отъ этого удара раны бывають нерѣдко опаснѣе ранъ отъ гранатъ и ядеръ.“ (**). По мнѣнію г. Фадѣва, отъ такой привычки не отучить, да и не зачѣмъ отучать нашего солдата; напротивъ, слѣдуетъ поощрять его, для чего авторъ советуетъ въ нашихъ ружьяхъ устраивать крѣпкій выдающійся курокъ или придѣлывать какія-то „стальные ребра къ прикладамъ“ (***)). Такое нововведеніе, по мнѣнію г. Фадѣва, особенно будетъ полезно съ принятіемъ войсками панцырей, когда штыкомъ нельзя уже будетъ дѣйствовать, а придется сбивать людей ударами по головамъ.

(*) „Русскій Вѣстникъ“, май, стр. 77.

(**) Май, стр. 90.

(***) Тамъ же.

Не менѣе занимательны, по своей оригинальности, взгляды автора на примѣненіе его панцырей въ кавалеріи. Соплашаясь съ мыслию, что въ настоящее время можно обойтись безъ кирасировъ, онъ однакожь волагаетъ, что если ужь оставлять ихъ въ составъ арій, то необходимо сформировать на совершенно новыхъ основаніяхъ. Для этого, по мнѣнію г. Фадѣева, нужно не только всадниковъ, но и лошадей одѣть въ непробиваемый войлокъ, дать имъ чистокровныхъ боевыхъ коней; для того же, чтобы въ походѣ эти лошади не изнурялись, возить кирасировъ на подвѣздкахъ и только въ минуту атаки пересаживать ихъ на кровныхъ скакуновъ. Такихъ „паладиновъ“, по мнѣнію г. Фадѣева, будетъ достаточно одной дивизіи на полумиліонную арію. Имѣя ихъ, когда угодно можно будетъ на полчаса взять верхъ надъ непріателемъ, что, по словамъ г. Фадѣева, для рѣшительнаго главнокомандующаго вполне достаточно, чтобы утвердить за собою побѣду. Для вящаго же эффекта, такихъ кирасировъ авторъ совѣтуетъ направлять не въ интервалы непріятельскихъ линій, но непремѣнно атаковать и прорывать ими плотные ряды пѣхотныхъ колоннъ и каре....

Дочитавъ до конца сочиненіе г. Фадѣева, мы искренно пожалѣли, отчего бы ему не начать было своихъ статей именно тѣми тактическими воззрѣніями, о которыхъ мы только-что сказали: тогда бы ему, конечно, не къ чему было и предлагать своей новой организаціи нашей аріи и излагать своихъ стратегическихъ соображеній для защиты нашего отечества. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему бы тогда намъ заводить миліонную арію и разставлять ее для обороны нашихъ обширныхъ границъ? Имѣя какихъ-нибудь одну кирасирскую и десять пѣхотныхъ дивизій, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ неуязвимый войлокъ, и рѣшительнаго главнокомандующаго, мы и безъ нихъ могли бы по первому призыву совладать съ кѣмъ угодно, пустивъ на какихъ-нибудь полчаса, много на часъ, этихъ безсмертныхъ панцырниковъ въ дѣло, и рѣшить его безапелляціонно въ нашу пользу.

Но, къ сожалѣнію, какъ видно, оригинальныя мысли приходятъ нерѣдко поздно, и мы, въ силу этого явленія, волей-неволей должны были не только прочесть весь трудъ г. Фадѣева, но еще взять на себя нелегкую обязанность указать, на сколько предлагаемая авторомъ „Вооруженныхъ силъ Рос-

сия“ нововведенія національны, просты, дешевы и пригодны для нашей арміи.

Въ заключеніе, для большей наглядности, повторимъ еще разъ то, что уже нами было сказано выше.

Начнемъ съ того, что мы сильно сомнѣваемся въ возможности, при настоящемъ нравственномъ и матеріальномъ состояніи нашего отечества, создать для него чисто-національную военную систему и, разъ навсегда, какъ совѣтуетъ г. Фадѣевъ, отказаться отъ подражанія западнымъ государствамъ: Науки, искусства, изобрѣтенія, законы и учрежденія, при общемъ развитіи цивилизаціи, переходятъ отъ одного народа къ другимъ. Молодымъ государствамъ, непришедшимъ еще въ уровень европейской цивилизаціи, ничего не остается, какъ изучать основательно то, что у нихъ существуетъ, и, сравнивъ свои учрежденія съ иностранными, отмѣнить у себя то, что окажется несоотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ, и вводить у себя новое—лучшее.

Это ясно для каждаго, кто смотритъ на вещи съ ихъ реальной, дѣйствительной стороны, и тотъ, кто сходитъ съ такой точки зрѣнія, неизбежно впадаетъ въ противорѣчіе. теряетъ подъ собою почву и переходитъ отъ возможнаго въ міръ призрачныхъ фантазій.

Трудъ автора „Вооруженныхъ силъ“ въ значительной степени можетъ служить подтвержденіемъ высказанной нами мысли. Не давъ себѣ труда хорошенько взвѣсить наше нравственное и матеріальное богатство, г. Фадѣевъ вскользь не задумывается сравнивать насъ съ Швейцаріей и Америкой и находить, что мы такъ же, какъ и эти государства, имѣемъ всѣ средства къ сформированію у себя „постоянно-организованнаго земскаго ополченія“ на чисто-національныхъ свойствахъ нашего народа. Высказавъ такую смѣлую мысль, г. Фадѣеву, какъ намъ кажется, слѣдовало бы представить и убѣдительныя тому доказательства или, по крайней мѣрѣ, построить свой проектъ на самобытныхъ, національныхъ началахъ. Но и этого, какъ оказывается, ему не удалось достигнуть: почти все имъ предлагаемое есть не что иное, какъ сколокъ съ разныхъ иностранныхъ военныхъ системъ. Такъ, между прочимъ, его земское ополченіе сильно напоминаетъ прусскую военную систему, съ тою только разницею, что тамъ все народонаселеніе, пройдя чрезъ ряды арміи, образуетъ ланд-

веръ изъ старослужащихъ солдатъ, въ рядахъ которыхъ высокая степень развитія можетъ восполнить въ теченіе нѣсколькихъ недѣль продолжительный перерывъ въ военныхъ занятіяхъ. Напротивъ, наше земское ополченіе и даже резервъ, проектируемые г. Фадѣевымъ, будутъ состоять изъ необученныхъ сельскихъ жителей, существующихъ на бумагѣ, слѣдовательно, въ большинствѣ, не изъ солдатъ, которыхъ можно бы было въ короткое время превратить въ настоящихъ боевыхъ воиновъ. Первѣйшую и самую ощутительную причину тому составляетъ недостатокъ кадровъ для помѣщенія всѣхъ новобранцевъ, которыхъ г. Фадѣевъ предлагаетъ включить въ составъ нашей арміи. Какъ мы видѣли, г. Фадѣевъ для нашей полуторамиліонной арміи находитъ вполне достаточнымъ содержать лишь 300,000 кадровыхъ солдатъ, т. е. менѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть, между тѣмъ какъ опытомъ дознано, что ихъ, безъ особаго ущерба боевымъ качествамъ арміи, никакъ нельзя держать менѣе половины (*). Далѣе: предлагаемая авторомъ вербовка старослужащихъ солдатъ не что иное, какъ дотаціонная система французскихъ войскъ.

Итакъ, согласившись *вполнѣ* на организацію нашей арміи, по проекту г. Фадѣева, мы, въ сущности, способствовали бы у себя развитію только слабыхъ сторонъ военныхъ системъ Пруссіи и Франціи.

Чтобъ судить, на сколько проектъ г. Фадѣева простъ и удобоисполнимъ, просимъ людей свѣдущихъ рѣшить, какъ будетъ легко ежегодно собирать для трехнедѣльныхъ строевыхъ ученій болѣе міліона ополченцовъ и резервистовъ и какой переписки и отчетности потребуетъ предлагаемое г. Фадѣевымъ комплектованіе полковъ людьми непременно изъ однихъ и тѣхъ же рекрутскихъ участковъ.

Авторъ „Вооруженныхъ силъ“ нигдѣ опредѣлительно не потрудился сказать, какія именно экономія и сбереженія произойдутъ въ нашемъ военномъ бюджетѣ отъ предлагаемыхъ имъ преобразованій. По этому предмету, кромѣ общихъ фразъ о чрезмѣрныхъ сокращеніяхъ и о небывалой доселѣ дешевизнѣ, ничего другаго мы у него не нашли. Между тѣмъ, г. Фадѣевъ заявляетъ, что переустройство нашей арміи и необходимость столькихъ матеріальныхъ улучшеній въ войскахъ потребуютъ довольно крупныхъ единовременныхъ расходовъ. Сумма эта,

(*) „Курсъ тактики“ г. Драгомирова.

по его мнѣнію, можетъ простираться отъ 25 до 75 миліоновъ (*), смотря по тому, рѣшимся ли мы принять только для нѣкоторыхъ частей войскъ предлагаемыя имъ войлочные латы, или же одѣнемъ въ нихъ всю нашу армію. По нашему же мнѣнію, помимо одновременныхъ затратъ, просить г. Фадѣева едва-ли поведеть къ значительному сокращенію нашего военнаго бюджета. Нынешняя система даетъ намъ возможность сокращать армію до 500,000 человекъ; слѣдовательно, въ сущности, дойдя до этой цифры, мы будемъ держать только на 200,000 человекъ болѣе противъ того числа войскъ, которое находить для насъ достаточнымъ г. Фадѣевъ. Годичное содержаніе каждаго солдата обходится не болѣе 50 р.; слѣдовательно, содержаніе 200,000 человекъ будетъ стоить около 10 миліоновъ.

Если теперь сосчитать, чего будутъ стоить правительству ежегодное продовольствіе собираемыхъ ополченцевъ и отпускныхъ, расходы на ихъ администрацію, на учебныя припасы, увеличенное жалованье и улучшенную пишу отборныхъ войскъ, наконецъ ежегодный процентъ и капиталъ погашенія по займу на покупку войлочныхъ панцирей и чисто-кровныхъ лошадей для нашихъ кирасировъ, то, вѣроятно, составила бы сумма равная, а можетъ быть и значительно-большая 10 миліоновъ рублей.

Итакъ, не имѣя положительныхъ указаній въ статьяхъ г. Фадѣева, мы, на основаніи только-что сказаннаго, вправѣ заключать, что при его военной системѣ содержаніе нашей арміи не можетъ быть дешевле настоящаго.

Высказавъ наше убѣжденіе относительно того, что предлагаемая г. Фадѣевымъ система далеко не можетъ считаться простою и дешевою, мы увѣрены также, что и съ военной точки зрѣнія она мало можетъ представить ручательствъ въ успѣхъ нашей активной и пассивной обороны.

Но, въ своемъ мѣстѣ, мы уже съ достаточною подробностію указали на слабыя стороны боевыхъ качествъ арміи, проектируемой г. Фадѣевымъ, и потому здѣсь ограничимся лишь нѣсколькими словами, ссылаясь на такой военный авторитетъ, какъ генераль Мольке.

Недавно, во время преній въ прусской палатѣ, между прочимъ, имъ сказано было слѣдующее: „Мы не желаемъ войны:

(*) „Русскій Вѣстникъ“, іюнь, стр. 541.

мы желаемъ кирво устроить наши внутреннія дѣла, и только въ такомъ случаѣ, если бы намъ задумали воспрепятствовать въ этомъ, мы потребовали бы войны; но въ подобномъ обстоятельстве не можетъ быть и рѣчи объ арміяхъ, составленныхъ изъ милиціи...“ „Никто не пожелаетъ—говорить о жъ—видѣть повтореніе на европейской почвѣ всѣхъ ужасовъ, которыми ознаменовалась послѣдняя междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ Америки“. Далѣе генералъ Мольтизе, замѣтивъ вообще непригодность къ дѣлу теорій о слабыхъ наступательныхъ арміяхъ, соединенныхъ съ сильными оборонительными арміями, говорить: „армія не можетъ быть подраздѣляема на наступательную и оборонительную; всякая страна всего лучше защищается арміей, готовой напасть на непріятеля, и что такая армія суждётся, конечно, и защититъ государство, еслибы, къ несчастію, она вынуждена была ограничиться одной лишь обороной“.

Всѣ такія соображенія, высказанныя замѣчательнымъ прусскимъ военнымъ техникомъ въ высшемъ значеніи этого слова, конечно, должны имѣть для насъ большое значеніе, когда являются предложенія создать нашу военную силу изъ плохообученныхъ рекрутъ и вовсе необученныхъ ополченцевъ, неимѣющихъ никакого понятія о дѣйствіяхъ въ составѣ не только баталіоновъ и полковъ, но даже и ротъ.

Мы не беремъ судить, на сколько намъ удалось дать ясное понятіе о предлагаемой г. Фадѣевымъ военной системѣ; мы не знаемъ также, въ какой степени онъ успѣлъ познакомить собственно *неспеціалистовъ* съ устройствомъ нашихъ военныхъ силъ, но полагаемъ, что многіе изъ нихъ, прочитавъ статью г. Фадѣева, вполне убѣдятся, что намъ рано еще чуждаться иностраннаго и что если мы серьезно хотимъ идти въ уровень съ европейскими народами, то ужъ никакъ не должны замыкаться подобно китайцамъ и свою защиту и безопасность возлагать на едва обученныхъ солдатъ и вовсе необученныхъ ополченцевъ. Она убѣдится также и въ томъ, что устройство вооруженныхъ силъ въ государствѣ дѣло далеко не легкое, и, вѣроятно, вмѣстѣ съ извѣстнымъ военнымъ писателемъ, повторять: „Les ignorants appellent l'administration militaire un métier; ceux qui la connaissent savent qu'elle est une science (*).“

(*) „Для незнающихъ военная администрація — ремесло; для людей свѣдущихъ она — наука“. Hist. de l'administ. militaire. Audouin.